

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук

МАТЕРИАЛЫ К КОРПУСНОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глагол

Часть I

Редакционная коллегия:
*В. А. Плунгян (Отв. ред.), Е. Р. Добрушина,
Е. В. Рахилина, Н. М. Стойнова*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 81-26
ББК 81.2-2
МЗ41

*Рукопись подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00264
Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-16080*

МЗ41 **Материалы к Корпусной грамматике русского языка.** Глагол. Часть I. —
СПб. : Нестор-История, 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-4469-0828-8

Сборник состоит из дескриптивных статей по русской грамматике, написанных на материале Национального корпуса русского языка. Предполагается, что в дальнейшем они составят основу раздела «Глагол» «Корпусной грамматики русского языка» — готовящегося коллективом синхронного грамматического описания, главная особенность которого будет заключаться в последовательном использовании обширного массива корпусных данных. Статьи подобраны так, чтобы дать читателю максимально полное представление об общих принципах Корпусной грамматики: это, в первую очередь, последовательная ориентация на эмпирический корпусный материал и анализ количественных данных, а также теоретическая нейтральность и типологический ракурс представления конкретно-языковых фактов. В сборник вошло восемь статей, образующих три тематических блока: «Модальность и наклонение»; «Морфосинтаксис»; «Система причастий». Сборник открывается кратким предисловием, которое знакомит читателя не только со статьями, непосредственно вошедшими в сборник, но и с проектом по созданию Корпусной грамматики в целом. Адресован широкому кругу лингвистов: русистам, специалистам по корпусной лингвистике, лингвистам-типологам, а также студентам и аспирантам лингвистических специальностей.

ISBN 978-5-4469-0828-8

9 785446 908288

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

ПРИЧАСТИЕ

Причастие — это такая **нефинитная** морфологическая форма глагола, которая способна выступать в предложении в качестве определения (модификатора, атрибута) имени существительного, самостоятельно (1) или вместе с зависимыми (2). В первом случае говорят об **одиночных причастиях**, во втором — о **причастных оборотах**.

- (1) Теперь Ёжик с Медвежонком неподвижно сидели под вязом и смотрели на *заходящее солнце*. [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)]
- (2) Поза *цыплёнка, уносимого ястребом*, выражала ужас и глупую покорность. [Ф. Искандер. Петух (1962)]

В обоих случаях причастие возглавляет отдельную клаузу (в частном случае состоящую из одного слова, как в примере (1)).

1. Причастие: общие сведения
2. Причастие как средство релятивизации
3. Действительные и страдательные причастия
4. Причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени
5. Причастия и другие атрибутивные отглагольные образования; проблема адъективации причастий
  - 5.1. Причастия и другие атрибутивные отглагольные образования
  - 5.2. Адъективация причастий
6. Грамматические категории причастий и синтаксические функции причастий
  - 6.1. Глагольные категории в причастиях
  - 6.2. Словоизменительные категории причастий
  - 6.3. Синтаксические функции причастий
7. Набор причастных форм в зависимости от грамматических характеристик глагола
  - 7.1. Ограничения, связанные с валентностными характеристиками глагола
  - 7.2. Ограничения, связанные с видом глагола
  - 7.3. Обобщение: возможный набор причастных форм от разных классов глаголов
8. Библиография

1. Причастие: общие сведения

В русском языке причастия, употребленные атрибутивно, согласуются с определяемым существительным по роду, числу, падежу и одушевленности. Таким образом, являясь морфологическими формами глагола, причастия обладают такой синтаксической дистрибуцией и таким набором словоизменительных категорий, которые сближают их с прилагательными.

К числу причастий в русском языке традиционно относят следующие образования.

- Причастия, образующиеся при помощи суффиксов *-ущ* (орфографически также *-ющ*) или *-ащ* (орфографически также *-ящ*), например: *идуший, дрожащий, заходящий, влияющий, вращающийся, строящийся*. Такие образования называют **действительными причастиями настоящего времени**.
- Причастия, образующиеся при помощи суффиксов *-вш* или *-ш*, например: *заходивший, влиявший, вращавшийся, строившийся, написавший, испугавшийся, пришедший*. Такие образования называют **действительными причастиями прошедшего времени**.
- Причастия, образующиеся при помощи суффиксов *-ем* (*-ом*) или *-им*, например: *вращаемый, изучаемый, образуемый, движимый, несомый*. Такие образования называют **страдательными причастиями настоящего времени** (см. статью Страдательное причастие настоящего времени).
- Причастия, образующиеся при помощи суффиксов на *-н* или *-т*, например: *изученный, образованный, побитый, занятый*. Такие образования называют **страдательными причастиями прошедшего времени**.

Как будет показано ниже, приведенные обозначения причастий являются до некоторой степени условными: семантические и синтаксические свойства этих образований не во всех случаях соответствуют внутренней форме традиционных терминов; здесь эти терминологические ярлыки используются в строгом соответствии с **морфологической формой** причастий, т. е. в соответствии с типом суффикса. В частности, как действительные трактуются причастия типа *строящийся* и *строившийся*, т. е. причастия, имеющие в своем составе одновременно суффиксы, характерные для действительных причастий, и постфикс *-ся*, употребленный в пассивном (страдательном) значении (см. Возвратность / п. 2.2). О сложной природе таких образований см. п.3, п.6.1.2.

Причастия сочетают в себе семантические и грамматические признаки, характерные для глаголов, с одной стороны (лексическое значение основы; модели управления и, шире, способность присоединять зависимые, образуя отдельные клаузы; грамматические категории залога, вида и времени, см. п.б.1), и для прилагательных, с другой стороны (способность выступать в качестве атрибута имени и — для части причастий — образовывать сказуемое в сочетании с глаголом-связкой; согласовательные категории рода, числа, падежа и одушевленности, совместно выражаемые окончаниями по модели прилагательного; способность согласовываться с именем по этим категориям при атрибутивном употреблении; для части причастий также характерно типичное для прилагательных противопоставление кратких и полных форм, см. п.б.2). По этой причине причастия иногда относят к числу «гибридных» в частеречном отношении форм или трактуют как самостоятельную часть речи, ср. описание их как «смешанной части речи» у А. М. Пешковского [Пешковский 2001: 104] и распространенное в типологии понятие «смешанная категория» («mixed category», см., например, обзор в [Malouf 2006]), применяемое, в частности, к причастиям.

Здесь и далее, однако, причастия рассматриваются как морфологические формы глаголов. Основной причиной для такой трактовки является тот факт, что всякая причастная форма находится в парадигматических отношениях с формами определенной глагольной (а не адъективной) лексемы; например, форма *заходящее* входит в парадигматические отношения со словоформами глагола *заходить* (такими, как *заходит*, *заходило*, *заходить*, *заходя*), а не какого бы то ни было прилагательного.

Под **отдельным причастием** того или иного глагола понимается **совокупность всех словоформ**, имеющих общую основу, включающую суффикс причастия, и различающихся по адъективным категориям (например, *изученное*, *изученными*, *изучена* и т. д.). Следствием из такой трактовки является и то, что к числу причастных форм относятся, наряду с прочими, краткие формы причастий (*изучена* и т. п.), несмотря на то, что они не могут выступать в предложении в качестве атрибута имени существительного.

Итак, когда говорится об «отдельном причастии» того или иного глагола, имеется в виду целый фрагмент словоизменительной парадигмы глагола, обладающий примерно тем же внутренним устройством, что и парадигмы прилагательных (ср. понятие «**адъективное склонение**»). Однако в качестве представителя такого фрагмента обычно для простоты используется полная форма именительного падежа

единственного числа мужского рода; так, например, говорится, что приведенные выше словоформы являются словоформами причастия *изученный* — страдательного причастия прошедшего времени от глагола *изучить*.

2. Причастие как средство релятивизации

Причастный оборот (или одиночное причастие в случае отсутствия у него зависимых), употребленный в позиции определения к имени, в большинстве случаев соотносим по смыслу с некоторой независимой клаузой (иначе «предикативной группой», или «элементарной предикацией»), включающей в своей состав финитную форму того глагола, от которого образовано причастие, и то имя существительное, которое модифицируется причастием. Так, например, конструкции *заходящее солнце* и *цыпленка, уносимого ястребом* из примеров (1) и (2) соотносимы со следующими простыми предложениями соответственно:

- (3) Солнце заходит.
- (4) Ястреб уносит цыплёнка.

Это свойство соотносённости причастной структуры с независимой клаузой объясняется тем, что причастия, как и другие глагольные формы, всегда указывают на некую **ситуацию**, реальную или нереальную.

В первом случае (причастная структура отсылает к реальной ситуации) обозначаемая причастием ситуация должна иметь место в определенный момент времени. Так, предложение (1), повторяемое здесь для удобства под номером (5), означает, что в момент наблюдения имеет место ситуация, которую можно обозначить как *солнце заходит*.

- (5) Теперь Ёжик с Медвежонком неподвижно сидели под вязом и смотрели на *заходящее солнце*. [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)]

Во втором случае причастная структура отсылает к ирреальной ситуации, т. е. к ситуации, локализованной не на оси времени вместе с другими ситуациями, обозначаемыми в контексте, а в одном из «воображаемых миров», как в следующем примере:

- (6) Представим себе *человека, лежащего на пляже*. [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)]

Однако и в случае ирреальной семантики причастие отсылает к ситуации, которая может быть обозначена независимой клаузой (*человек лежит на пляже*).

Таким образом, при помощи причастия, употребленного в качестве согласованного определения имени существительного, референт этого имени характеризуется через его роль в определенной ситуации, при этом соответствующая ситуация обычно может быть обозначена при помощи клаузы, содержащей это имя. Из сказанного следует, что причастия являются одним из средств **релятивизации** в русском языке. При такой трактовке причастный оборот (как и одиночное причастие, употребленное атрибутивно) можно рассматривать как разновидность **относительных**, или релятивных (ср. англ. «relative»), **клауз**, наряду с относительными придаточными предложениями.

3. Действительные и страдательные причастия

Релятивизуемой позицией называют ту синтаксическую позицию, которую модифицируемое относительной клаузой (в частном случае причастной) имя занимало бы в соотносимой с нею по смыслу независимой клаузе. Так, в предложении с именной группой *заходящее солнце* релятивизуется позиция подлежащего (ср. *солнце заходит*), а в конструкции с именной группой *цыплёнок, уносимый ястребом* — позиция прямого дополнения (ср. *ястреб уносит цыплёнка*).

Причастия, при помощи которых релятивизуется позиция **подлежащего** (например, *заходящее*), называются **действительными** причастиями, а причастия, при помощи которых релятивизуется позиция **прямого дополнения** (например, *уносимый*), называются **страдательными** причастиями. Прочие синтаксические позиции в русском языке в норме при помощи причастий не релятивизируются (о некоторых исключениях см. [Fowler 1996]; [Холодилова 2011: 48–52]).

ПРИМЕЧАНИЕ. В ряде случаев атрибутивная причастная клауза оказывается соотносима по смыслу с двумя независимыми структурами, различающимися залогом, т. е. синтаксическими позициями актантов. Так, например, причастной клаузе из примера (7) можно поставить в соответствие и независимую клаузу в действительном залоге (8), и независимую клаузу в страдательном залоге (9).

- (7) *Персонаж, созданный Чаплиным*, становится одним из главных персонажей нового цирка... [Ю. К. Олеша. В цирке (1928)]
- (8) Чаплин создал персонаж.

(9) Персонаж (был) создан Чаплиным.

Можно заметить, что пассивная конструкция (9) сама по себе содержит краткую форму того же причастия *создан*, которое употреблено в разбираемой атрибутивной конструкции (7). В этом смысле соотнесение атрибутивной конструкции (7) с независимой клаузой (9) создавало бы нежелательную рекурсию. Вместо этого причастные конструкции такого рода обычно соотносят с той из двух возможных независимых клауз, в которой используется конструкция действительного залога. Таким образом, конструкция (7) и подобные ей считаются случаями релятивизации прямого дополнения. Это и позволяет трактовать соответствующие причастия как страдательные, что соответствует общепринятой практике. При таком подходе оказывается, что образование страдательных причастных относительных клауз служит одновременно релятивизации и выражению категории залога (пассивизации).

В традиционных русских грамматиках при определении причастий обычно преобладает не представленный выше синтаксический, а семантический подход [Грамматика 1960(1): 504]; [Грамматика 1980(1): 665 (§1577)]. При таком подходе определения обычно базируются на том утверждении, что причастия сочетают в себе значение процессуальности, характерное для глаголов, и значение признаковости, характерное для прилагательных; иногда при этом говорится, что при помощи причастий действие (процесс) представляется как признак предмета. В рамках такого подхода противопоставление между действительными и страдательными причастиями также обычно проводится на семантических, а не на синтаксических основаниях, ср.:

«В зависимости от того, представлен ли причастием признак как активный, т. е. как характеризующий по производимому действию, или как пассивный, т. е. характеризующий по испытываемому действию, все причастия делятся на действительные и страдательные» [Грамматика 1980(1): 665 (§1577)].

Такая семантическая трактовка в целом согласуется с принятым здесь пониманием, однако по ряду причин ее все же следует признать уязвимой. Действительно, формулировки «производимое действие» и «испытываемое действие» отсылают напрямую к тем семантическим ролям, которыми обладают участники соответствующих ситуаций (например, Агенса и Пациенса). Однако свойства причастий на самом деле выводимы не из семантических ролей напрямую, а из свойств базовой диатезы конкретного глагола, т. е. из типичного для него соотношения семантических ролей и синтаксических позиций. Так, например, для глаголов *претерпевать*, *сгореть*, *слопаться* базовой является такая диатеза, при которой подлежащему

соответствует роль Пациенса. Несмотря на то, что, например, о *человеке, претерпевающим страдания, сгоревшем доме или сломавшемся лифте* можно сказать, что эти объекты охарактеризованы «по испытываемому» (а не по «производимому») действию, исследователи все же единогласно трактуют соответствующие причастия как действительные.

Отдельную проблему в свете сказанного представляют собой причастия с суффиксами *-ущ (-ющ)*, *-ащ (-ящ)*, *-вш* и *-ш*, образованные от возвратных глаголов, имеющих пассивное значение (см. о нем Возвратность / п.2.2):

- (10) *Строящаяся в Дагестане табачная фабрика* со временем также могла бы стать инвестором производства табачного листа в регионе и его потребителем... [«Жизнь национальностей» (2004)]
- (11) Культура менее всего *химический процесс, изучавшийся Пригожиным*. [«Неприкосновенный запас» (2003)]

Причастные обороты такого типа можно соотнести по смыслу с предложениями, в которых употреблены финитные возвратные формы в пассивном значении, ср. для последних двух примеров:

- (12) В Дагестане *строится* табачная фабрика.
- (13) (Некий / этот) химический процесс *изучался* Пригожиным.

Как видно, определяемые существительные из примеров (10) и (11) соотносимы по смыслу с подлежащими конструкций (12) и (13), в которых употребляются возвратные формы в пассивном значении. Таким образом, формы, подобные причастиям *строящаяся*, *изучавшийся* из приведенных примеров, следует трактовать как действительные причастия, относящиеся к подпарадигме пассивного залога, значение которого выражается возвратным постфиксом *-ся*. Следовательно, в принципе возможна ситуация, при которой в рамках парадигмы одного глагола сосуществует, например, страдательное причастие настоящего времени (*изучаемый*) и действительное причастие настоящего времени, относящееся к подпарадигме пассивного залога, содержащее постфикс *-ся* (*изучающийся*).

ПРИМЕЧАНИЕ. Иногда конструкции с подобными причастиями соотносят напрямую с активными конструкциями типа *В Дагестане строят табачную фабрику; Пригожин изучал (некий / этот) химический процесс*; при таком подходе

причастия типа *строящийся, изучавшийся* признаются страдательными. Такова, например, трактовка А. В. Исаченко, который рассматривает причастия типа *образующийся* как одну из форм страдательного причастия настоящего времени, наряду с формами типа *образуемый* [Исаченко 1960/2003: 547]. Поскольку, как показано у того же А. В. Исаченко [там же: 547–553], распределение рассматриваемых пар форм, с одной стороны, не может быть описано в терминах свободной вариативности, а с другой стороны, не укладывается и в рамки отношений дополнительной дистрибуции, признание их двумя различными реализациями одной грамматической формы глагола кажется нелогичным. Помимо этого, такое решение представляется и неэкономным: то, что постфикс *-ся* сам по себе способен маркировать пассивизацию, не вызывает сомнения, в этом смысле нет оснований усматривать в образованиях типа *образующийся, строящийся* особый «тип причастий».

Логичнее отталкиваться от явственного параллелизма в парах типа *строить — строящий, строиться — строящийся* и единообразно описывать то воздействие, которое оказывает на морфосинтаксические свойства формы присоединение собственно суффикса причастия. Следовательно, необходимо признать, что суффикс *-ущ(-юущ) / -ащ(-ящ)* не маркирует залогового изменения, а тогда нет и оснований считать сами причастия типа *строящийся* страдательными.

При принятом здесь подходе к разделению действительных и страдательных причастий обнаруживается, что, во-первых, процесс образования причастий не приводит к появлению¹ в словоформах постфикса *-ся*, а во-вторых, действительные и страдательные причастия четко разграничиваются по набору используемых при их образовании суффиксов.

ПРИМЕЧАНИЕ. Видимо, именно из-за сложности взаимодействия процесса образования причастий и залоговых преобразований (т. е. из-за неполноты параллелизма между причастиями и финитными формами в этом отношении) некоторые авторы уходят от однозначной категориальной трактовки причастий, предпочитая опираться на формальные (относящиеся к уровню морфемки) противопоставления. Так, во многих работах Ю. П. Князева (см., например, [Князев 1989]) систематически употребляется термин «причастия на *-н, -т*», содержательно идентичный понятию страдательного причастия прошедшего времени в принятом здесь смысле.

О категориях залога и возвратности применительно к причастиям см. также п. 6.1.2.

¹ О некоторых сложных случаях, когда приходится признать, что образование причастий сопровождается удалением возвратного постфикса *-ся*, см. п. 6.1.2.

4. Причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени

В русской грамматике общепризнанным является существование **причастий настоящего времени и причастий прошедшего времени**. Основание для этих традиционных обозначений наиболее отчетливо прослеживается в примерах, подобных следующим:

- А где ты видишь *целующихся голубков*? — Только двух стариков, — сказал Дмитрий Михалыч. [Ф. Светов. Мое открытие музея (2001)]
- (14) Я слышу шелканье и чмоканье *открываемых* железных пивных *пробок*. [Ф. Кнорре. Каменный венок (1973)]
- (15) Что он думает о *пропавшем золоте*? [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]
- (16) Помнишь тех *расстрелянных братьев Шульцев*? [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)]

В первых двух примерах ситуации, выраженные причастиями, интерпретируются приблизительно так же, как интерпретировались бы финитные формы настоящего времени (ср. *голубки целуются*; *пивные пробки открывают*), то есть как имеющие место в момент наблюдения. В следующих двух примерах у причастий фиксируются интерпретации, близкие к тем, которые характеризовали бы финитные формы прошедшего времени тех же глаголов (ср. *золото пропало*; *братьев Шульцев расстреляли*), т. е. причастия отсылают к ситуациям, имевшим место до момента наблюдения. Таким образом, в первых двух случаях перед нами причастия настоящего времени во вторых двух случаях — причастия прошедшего времени.

При этом причастия настоящего и прошедшего времени далеко не всегда используются в прямом соответствии с тем, какая временная форма была бы использована, если бы искомое значение было выражено финитной формой глагола. Тем более не наблюдается прямого соответствия между выбором причастий настоящего / прошедшего времени и тем, имеет ли место обозначаемая ими ситуация в настоящем или в прошлом говорящего. Рассмотрим следующие два примера:

- (17) *Первые три читателя, дозвонившиеся* в редакцию и правильно *ответившие* на вопросы, *получат* по тысяче рублей каждый. [«Вечерняя Москва» (2002)]

- (18) За поселком Оля увидела работающих в воде стариков и подростков. [В. Губарев. Королевство кривых зеркал (1951)]

В первом случае «причастия прошедшего времени» отсылают к ситуациям в будущем; если бы эти ситуации обозначались финитными формами глагола, скорее всего, были бы использованы формы будущего времени (ср. *первые три читателя, которые дозвонятся и ответят*). Во втором случае «причастие настоящего времени» отсылает к ситуации в прошлом; если бы эта ситуация обозначалась финитной формой глагола, скорее всего, была бы использована форма прошедшего времени (ср. *стариков и подростков, которые работали в воде*). Такое несоответствие между категориальным типом (в каком-то смысле условным названием) причастия и его темпоральной интерпретацией возникает из-за того, что в приведенных предложениях в качестве основных сказуемых используются словоформы, указывающие на ситуации в будущем (*получат*) и в прошлом (*увидела*) соответственно. По этим примерам видно, что для установления временной референции причастий может быть существенно не только их собственное категориальное значение, т. е. отнесенность к настоящему или прошлому по отношению к моменту речи, но и соотношение с другим действием (такие грамматические значения называют обычно **таксисными**). Так, в примере (18) ситуации, описываемые причастиями *дозвонившиеся* и *ответившие*, могут произойти после момента речи, но до ситуации, описываемой глаголом *получат*. В примере (19) ситуация, описываемая причастием *работающих*, происходила до момента речи, но при этом одновременно с ней произошла и ситуация, описываемая глаголом *увидела*.

При обсуждении причастий, употребляемых в функции приименного модификатора, удобно пользоваться понятием **опорной формы**, впервые введенным в [Недялков, Отаина 1987/2001: 299] для описания таксисных значений деепричастий. **Опорной формой** (по отношению к атрибутивно употребленному причастию) будем называть вершинную глагольную словоформу той клаузы, в состав которой непосредственно входит модифицированное причастием имя. Так, в предложении (14) опорной формой для причастия *целующихся* является сказуемое иерархически ближайшей клаузы — форма *видишь*, а в предложении (18) опорной формой для причастий *дозвонившиеся* и *ответившие* является сказуемое *получат*.

В отличие от причастия — по определению нефинитной формы — опорная форма часто является независимым сказуемым, как в примерах (11)–(16) выше. Однако опорная форма в принципе может быть зависимой, в частности нефинитной, как в следующем примере:

- (19) Ночное небо озарялось огнём фейерверка, *устроенного обезумевшей, кричащей «Корея! Корея!» толпой*. [«Изнестия» (2002)]

В данном случае опорной формой для причастий *обезумевшей* и *кричащей* является форма другого причастия — *устроенного*, для которого в свою очередь опорной является форма *озарялось*. Независимо от того, является ли конкретная опорная форма независимой финитной, зависимой финитной или нефинитной, ее временная референция устанавливается без учета свойств зависимого причастного оборота. Напротив, для определения аспектуально-темпоральной интерпретации причастия временная референция опорной формы может играть существенную роль, как в примерах (18)–(19).

Таким образом, семантическая нагруженность противопоставления между «причастиями настоящего времени» и «причастиями прошедшего времени» в общем случае неидентична противопоставлению финитных форм настоящего и прошедшего времени (см. также п.б.1.4 ниже).

Рассматривая подобные проблемы, А. В. Исаченко приходит к следующему выводу: «применяемые нами традиционные термины “причастие настоящего времени” и “причастие прошедшего времени” являются условными обозначениями форм и ничего не говорят об общей грамматической <разрядка источника> семантике самих этих форм» [Исаченко 1960/2003: 542]. Такой взгляд является радикальным: согласиться с тем, что традиционные термины «ничего» не говорят о грамматической семантике причастий настоящего и прошедшего времени, сложно. Однако следует помнить, что отнесение того или иного причастия к числу причастий прошедшего или настоящего времени последовательно основано на формальном признаке (определяется по типу суффикса), а не на признаке содержательной соотносительности с финитными формами прошедшего или настоящего времени.

5. Причастия и другие атрибутивные отглагольные образования; проблема адъективации причастий

5.1. Причастия и другие атрибутивные отглагольные образования

Помимо собственно причастий в традиционном смысле, способностью выступать в качестве модификаторов имени обладают и многие другие единицы, образованные от глаголов, например прилагательные

типа *старательный, ползучий, лежалый*, разг. *читабельный* и т. п. Тем не менее, такие образования обычно не включаются в состав парадигм соответствующих глаголов, т. е. не считаются причастиями (некоторые из этих образований иногда называют «**псевдопричастиями**»). Помимо этого, существуют отглагольные лексемы, образованные при помощи тех же суффиксов, что и общепризнанные причастия, но при этом по тем или иным причинам выбивающиеся из глагольных парадигм и трактуемые не как причастия, а как отглагольные прилагательные (часто омонимичные собственно причастиям); проблемы, связанные с такими образованиями, будут рассмотрены в п. 5.2.

Критерии, позволяющие разграничить собственно причастия и прочие отглагольные образования адекативного типа, редко называются эксплицитно (см., впрочем, [Плунгян 2010]). Основное отличие причастий от отглагольных прилагательных состоит в том, что причастия входят в парадигму соответствующих глаголов, в то время как прочие отглагольные адекативы связаны с глагольными лексемами лишь деривационно (словообразовательно). Тем самым, поиск критериев, различающих собственно причастия и отглагольные прилагательные, следует вести среди тех признаков, которые используются для различения словоизменения и словообразования. К ним, в частности, относятся:

- продуктивность (см. п. 5.1.1);
- синтаксическая соотнесенность с другими формами (см. п. 5.1.2);
- семантическая регулярность (см. п. 5.1.3).

Отдельно следует упомянуть рассматриваемый иногда в этом контексте парадигматический критерий — наличие / отсутствие параллелизма между набором и значениями грамматических категорий финитных форм и причастий / отглагольных прилагательных (вид, время, залог), см. п. 5.1.4.

5.1.1. Продуктивность

В целом собственно причастия отличаются большей продуктивностью, чем другие отглагольные атрибутивные образования. Особое место здесь, впрочем, занимают два типа причастий.

А) Страдательные причастия настоящего времени образуются в современном русском языке продуктивно лишь от некоторых словоизменительных типов глаголов (см. [Зализняк 1977/2003: 86]; [Грамматика 1980(1): 668]; [Холодилова 2011: 86–87]), ср., например, *писомый*, **куёмый*, **скребомый*.

Б) Страдательные причастия прошедшего времени образуются регулярно лишь от глаголов совершенного вида, а среди глаголов несовершенного вида ограниченно возможны лишь для бесприставочных (ср. ?*литый*, *вылитый*, *выливанный).

5.1.2. Синтаксическая соотнесенность

Настоящие причастия способны «наследовать» у глагола большинство его синтаксических характеристик регулярным образом. Так, обычно у причастий сохраняется принципиальная способность сочетаться с теми же сирконстантами, что и у финитных форм соответствующих глаголов, а набор активных валентностей на актанты у причастий отличается от соответствующего набора для финитных форм только отсутствием валентностей на тот актант, который подвергается релятивизации (на подлежащее у действительных причастий и на прямое дополнение у страдательных причастий), и на подлежащее (для страдательных причастий; «вместо» валентности на подлежащее при страдательных причастиях фиксируется валентность на агентивное дополнение в творительном падеже, ср. *мой сосед купил машину* и *машина, купленная моим соседом*). Ни одно другое атрибутивное отглагольное образование не демонстрирует сопоставимого синтаксического параллелизма с финитными формами: у большинства из них число возможных зависимых — как актантов, так и сирконстантов — оказывается редуцировано по сравнению с финитными формами глаголов более радикально, ср. *школьник старается решить задачу*, но **школьник, старательный решить задачу*; *змея ползет между камней*, но **змея, ползучая между камней*; *рыба лежит на солнце*, но **рыба, лежащая на солнце*; *подростки охотно читают журнал*, но **охотно читабельный подростками журнал*.

5.1.3. Семантическая регулярность

У причастий (как у словоизменяемых форм глаголов) лексическое значение в норме совпадает с лексическим значением финитных форм тех же глаголов, что можно трактовать как максимальную степень семантической регулярности. У других отглагольных атрибутивных образований лексическое значение обычно отличается от глагольного существенными компонентами. Это может происходить либо благодаря более или менее идиоматическим приращениям, что особенно характерно для отглагольных прилагательных, омонимичных

причастиям (ср. *блестящее выступление, считан(н)ые часы, упавший голос*), либо благодаря присутствию относительно конкретных компонентов семантики, характеризующих целые словообразовательные типы отглагольных прилагательных (ср. семантику «склонности к интенсивному совершению действия» у прилагательных типа *болтливый, ворчливый* или «повышенной способности подвергаться действию» у прилагательных типа *ковкий, ломкий*, см. [Плунгян 2010]).

Используя критерий семантической регулярности совместно с критерием синтаксической соотнесенности (см. п.5.1.2), можно сказать, что именные группы, в которых вершина модифицируется причастием или причастным оборотом, в норме могут быть соотнесены — **без добавления или удаления какого-либо лексического материала** — с простыми предложениями, в которых сказуемое выражено финитной синтетической формой того же самого глагола (см. п.2). Для других отглагольных образований это нехарактерно. Так, например, если имеется *летающая над волнами чайка* (причастие), то верно, что *чайка летит над волнами*; напротив, *летучая белка* (отглагольное прилагательное) — это ‘белка, которая (в принципе) летает’, т. е. ‘белка, которая **может летать**’ (но не обязательно ‘летит’ или ‘летела’).

5.1.4. Парадигматичность

Традиционные названия четырех причастий, содержащие отсылки к категориям времени и залога, как будто бы говорят о наличии в системе причастий тех противопоставлений, которые характерны и для финитных форм глаголов. Существует точка зрения, согласно которой наличие типичных для глаголов грамматических категорий (вида, времени и залога) — это основное отличие причастий от всех остальных отглагольных адъективных образований [Пешковский 2001: 128]. В действительности этот параллелизм отчасти мнимый, так как противопоставление причастий настоящего и прошедшего времени не совпадает содержательно с противопоставлением одноименных граммем у финитных форм глагола, а противопоставление действительных и страдательных причастий не полностью совпадает с противопоставлением по залог у финитных форм (см. об этой проблематике п.6.1).

Совместное использование трех первых критериев, рассмотренных выше (продуктивность, синтаксическая соотнесенность, семантическая регулярность), в целом позволяет противопоставить четыре класса «настоящих причастий» другим отглагольным образованиям адъективного типа (см. также п.7); в частности, эти критерии позволяют

исключить из числа причастий все отглагольные адъективные единицы, при образовании которых используются другие суффиксы, кроме названных выше.

Однако использовать эти критерии при оценке **отдельных употреблений** таких единиц, в состав которых входят суффиксы, типичные для причастий, оказывается практически невозможно. Первая сложность операциональная: для использования перечисленных критериев необходимо сопоставление реально зафиксированных употреблений с воображаемыми, свойства которых не поддаются прямому наблюдению. Так, например, в случае изолированного (без зависимых) употребления отглагольного образования с суффиксом, типичным для причастия, неизбежно встает вопрос о том, может ли такая форма быть использована с глагольными зависимыми и можно ли в этом случае говорить о том, что это та же единица. Вторая сложность содержательная: она состоит в том, что даже «настоящие причастия» отсылают к некоторой ситуации, в частности к действию, как к **признаку** того или иного объекта; в этом смысле в причастиях заведомо заложена склонность к ослаблению динамических компонентов, присутствующих в семантике глагола. Таким образом, различие между собственно причастиями и отглагольными прилагательными связано со **степенью** ослабления глагольных динамических признаков: в отглагольных прилагательных они ослаблены еще сильнее, чем в причастиях. Этой проблеме посвящен следующий раздел.

5.2. Адъективация причастий

В очень многих случаях единицы, которые внешне совпадают с несомненными причастиями, частично лишены свойств семантической и синтаксической соотнесенности с финитными формами глагола. Такая ситуация описывается при помощи термина **адъективация причастий**, под которой понимается утрата части глагольных семантических и синтаксических свойств, приводящая к ослаблению связи адъективного образования с глагольной лексемой, а в конечном счете к переходу² конкретного образования в класс прилагательных. Рассмотрим следующую пару примеров:

---

² Здесь, в соответствии с традицией и с внутренней формой термина, адъективация обозначается как динамический процесс «перехода» единицы из одного класса в другой, однако это не обязательно предполагает моделирование реального диахронического процесса.

- (20) Том и его товарищи, *обиженные* близкими и родителями, решаются уйти из дома. [«Вопросы психологии» (2004)]
- (21) Шехтель очень дорожил этой своей работой, и есть очень *обиженное* его письмо, когда, уже в советское время, всех почтили к юбилею театра наградами, а о нём не вспомнили. [«Известия» (2002)]

В обоих предложениях использованы словоформы, формально устроенные как страдательные причастия прошедшего времени от глагола *обидеть*. При этом можно заметить, что в (21) выполняются все условия, характерные для ситуации релятивизации прямого дополнения при помощи страдательного причастия; в частности, условием осмысленности этого предложения является то, что в какой-то момент в прошлом имела место ситуация, описываемая предложением *Близкие и родители обидели Тома и его товарищей*. Построить аналогичное соотносительное высказывание для предложения (22) невозможно, ср. *письмо обидели. В данном случае при помощи характеристики *обиженное* обозначаются некоторые признаки письма, не связанные ни с какой локализованной во времени ситуацией, описываемой глаголом *обидеть*.

5.2.1. Признаки, свидетельствующие об адъективации причастий

Конкретные модели адъективации различаются для причастий разных типов (см., например, об адъективации страдательных причастий настоящего времени Страдательное причастие настоящего времени / п.5). Общим, однако, является то, что адъективация — это прежде всего градуальный процесс, отражающий изменение значения единицы. Частными проявлениями этого процесса могут быть среди прочего следующие признаки.

1) Отсутствие синтаксической соотносительности (см. только что разобранный пример *обиженное письмо*), т. е. неспособность выступать в качестве средства релятивизации. Применение этого критерия, впрочем, иногда наталкивается на определенные сложности. Действительно, словосочетание *обиженное письмо* развернуть до независимого предложения принципиально невозможно. Однако существуют и весьма многочисленные случаи, когда такое развертывание в принципе возможно, но при этом выстраиваемые финитные предложения оказываются неуклюжими, неестественными. Так, например, именная

группа *звенящий звук* (23 вхождения в Корпусе), вероятно, может быть «развернута» в полную клаузу *звук звенит*, но такое употребление кажется не вполне естественным (в Корпусе всего 3 примера, где при финитной форме глагола *звенеть* использовалось бы подлежащее *звук*).

2) Утрата компонентов значения, связанных с локализацией ситуации во времени и пространстве: *моющиеся обои, повышенные требования* — в этих оборотах при сохранении их обычной интерпретации невозможно использовать обстоятельства времени и места: *#моющиеся каждую неделю обои, #повышенные в прошлом году требования*).

3) Утрата способности присоединять зависимые, характерные для соответствующих глагольных лексем (ср. затрудненность агентивного дополнения в сочетании *распространенная болезнь* — *?распространенная европейцами болезнь* или прямого дополнения в сочетании *потрясающий фильм* — *?потрясающий зрителей фильм*). При этом отсутствие какого-либо типичного для глагола зависимого при конкретном словоупотреблении причастия само по себе нельзя считать признаком адъективации, так как и у финитных форм глаголов зависимые — в том числе и соответствующие валентностям — могут отсутствовать.

4) Развитие способности сочетаться с наречиями меры и степени (*очень, слишком, настолько*) в случае, если соответствующие глаголы такой способности не демонстрируют (*очень знающий человек* / **человек очень знает*).

5) Индивидуальные сдвиги в лексическом значении, свидетельствующие о выходе из глагольной парадигмы. Например, *обеспеченный* ‘обладающий достатком, не знающий нужды, безбедный’, *следующий* ‘ближайший по очереди после чего-либо’, *блестящий* ‘выдающийся, превосходный’, *решающий* ‘главный, важнейший’. Впрочем, сдвиги в лексическом значении могут характеризовать не индивидуальные адъективирующиеся причастия, а целые группы однотипных причастий.

ПРИМЕЧАНИЕ. Многие исследователи идут не по пути признания градуальности противопоставления причастий и прилагательных, а по пути выделения нескольких дискретных точек, образующих упорядоченную иерархию. Так, например, в справочнике, составленном И. К. Сазоновой, выделяются: а) собственно причастия, сопровождаемые лишь категориальными пометами (например, «страд. наст.» — страдательное причастие настоящего времени); б) «стативные лексические значения причастных форм», относительно которых говорится, что они «не выходят за рамки глагольной семантической зоны, не переходят в прилагательные», при этом «толкуются через глаголы, так как обозначают состояние лица или предмета, связанное с действием» (ср., например, *расположенный* в значении «испытывающий чувство симпатии, хорошо относящийся

к кому-либо»); в) «причастия в значении прилагательных (адъективные значения причастий)», т. е. такие причастия, которые, сохраняя свой категориальный статус, обозначают «действие или состояние как признак, свойство в их отвлечении от временной приуроченности» (ср. *блуждающая улыбка*); г) наконец, отдельно подаются отглагольные прилагательные, в том числе омонимичные причастиям, ср. *испуганный взгляд* [Сазонова 1989: 10–11].

5.2.2. Признаки, свидетельствующие о сохранении статуса причастия

Наряду с проявлениями адъективации (см. п.5.2.1) можно перечислить признаки, свидетельствующие о сохранении статуса причастия; некоторые из них зеркальны по отношению к рассмотренным выше признакам адъективации.

1) Наличие компонентов значения, связанных с локализацией ситуации во времени и пространстве (в частности, проявляющееся в сочетаемости).

2) Наличие глагольных зависимых (например, актантов, но также и сирконстантов со значением инструмента, цели, бенефактивного участника и т. д.).

3) Порядок слов, при котором причастная по форме лексема следует за модифицируемым именем (как в *Том и его товарищи, обиженные близкими и родителями*). Этот признак, впрочем, во многом связан с предыдущим, так как отсутствие каких бы то ни было зависимых, включая глагольные, почти всегда влечет за собой препозицию причастнообразного согласованного определения.

ПРИМЕЧАНИЕ. Проблема противопоставления причастий и прилагательных уделяется большое внимание в прескриптивной литературе, так как существует два орфографических правила, ориентированных на противопоставление причастий и прилагательных (в том числе отглагольных): правописание одной или двух *n* в суффиксах кратких и полных форм и слитное / раздельное написание частицы *не*. В качестве критериев принятия орфографического решения, помимо основного смыслового критерия (называние действия или состояния для причастий и называние свойства для прилагательных), а также некоторых критериев, перечисленных здесь, приводятся также: наличие приставки (способствует сохранению связи с глаголом, т. е. препятствует адъективации) или суффикса *-ова / -ева*, ср. *выдержанное вино, иллюстрированный журнал* — в этих случаях спорные лексеммы подчиняются правилу написания причастий (см. подробнее, например, [Соловьев 1997: 683–687]). Названные дополнительные признаки имеют значение для орфографии, но не для собственно лингвистической трактовки этих образований.

Провести четкую границу между «еще причастиями» и «уже прилагательными», переставшими быть словоформами глаголов,

принципиально невозможно. Способность к адъективации — это неотъемлемое свойство, заложенное в самой природе русских причастий; в той или иной степени им обладает практически любое русское причастие.

Для практических целей, в частности при подсчетах, будут использоваться решения, принятые в Подкорпусе со снятой омонимией: здесь большинству словоупотреблений ставится в соответствие одна трактовка — они разбираются либо как причастия, либо как прилагательные. Впрочем, следует отдавать себе отчет в том, что всякая бинарная разметка в этой сфере принципиально условна. Показательны, например, в этом отношении следующие два примера из Подкорпуса со снятой омонимией: оба они содержат форму *цветущий*, при этом в первом случае она разбирается как действительное причастие настоящего времени от глагола *цвести*, а во втором — как прилагательное *цветущий*:

- (22) Пустошь и ту можно превратить в *цветущий* сад, если она наследственная; а бесхозный *цветущий* сад — превратится в пустошь. [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)]
- (23) После затемнения на несколько секунд манеж превращался в *цветущий* сад. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

6. Грамматические категории причастий и синтаксические функции причастий

Во всех словоформах, относящихся к тому или иному причастию, реализуется один и тот же набор грамматических признаков, характерных для глаголов (см. п.6.1). Эти грамматические признаки выражаются вне окончания, т. е. в основе причастия (включая собственно суффикс причастия), при помощи возвратного постфикса (в случае его наличия) и в редких случаях аналитическим способом (см. ниже).

Словоизменительными категориями причастий несколько условно³ называются те категории, которые реализуются при помощи флексий

---

³ Условность эта связана в первую очередь с тем, что в настоящей работе, как и во многих других, сами причастия трактуются как (словоизменительные) формы глагола; в связи с этим говорить о словоизменительных формах именно причастий, строга говоря, не вполне корректно терминологически.

(окончаний) в причастных словоформах; набор этих категорий близок к составу словоизменительных категорий прилагательных (см. п.6.2).

6.1. Глагольные категории в причастиях

В этом разделе рассматривается то, каким образом в причастиях представлены следующие глагольные категории:

- вид (см. п.6.1.1);
- залог и возвратность (см. п.6.1.2);
- наклонение (см. п.6.1.3);
- время (см. п.6.1.4).

6.1.1. Вид

Являясь формами глагола, т. е. входя в парадигму глагольной лексики, причастия сохраняют все классифицирующие категории глагола, в частности категорию **вида**: всякое причастие образовано от глагола совершенного вида или от глагола несовершенного вида. Принадлежность глагола к совершенному или несовершенному виду существенным образом влияет на состав возможных причастий: от глаголов несовершенного вида регулярно образуются причастия прошедшего и настоящего времени, от глаголов совершенного вида — только причастия прошедшего времени.

В литературе господствует представление о том, что причастия «имеют последовательно проведенные по всей категории значения глагольных видов» [Пешковский 2001: 128]. Будучи в целом верным, такое представление создает иллюзию того, что набор частных видовых значений конкретных причастий будет совпадать с набором частных видовых значений «соответствующих» финитных форм настоящего и прошедшего времени, что не совсем точно в двух отношениях: 1) та или иная из аспектуальных интерпретаций причастия может отсутствовать у соответствующей финитной формы (см. п.6.1.1.1) и 2) наоборот, аспектуальная интерпретация, наличествующая у финитной формы, может отсутствовать у причастия (см. п.6.1.1.2).

6.1.1.1. Аспектуальная интерпретация причастий, отсутствующая у соответствующих финитных форм

В ряде случаев причастия получают видовые прочтения, отсутствующие у «соответствующих» финитных форм. Наиболее яркий случай такого рода — наличие у страдательных причастий прошедшего

времени не только акциональных (динамических), но и **статальных** интерпретаций, отсутствующих или ослабленных у соответствующих финитных форм. Эта проблема подробно разработана в исследованиях Ю. П. Князева и Е. В. Падучевой преимущественно на материале употреблений причастий в составе сказуемого (в их составе краткие формы причастий могут получать перфектное прочтение) [Князев 1989]; [Князев 2007: 486–490]; [Падучева 2004: 495–503]. Однако и атрибутивные употребления страдательных причастий прошедшего времени допускают статальную интерпретацию:

- (24) а. Секрет «оживления» моаи, *полностью утраченный на протяжении стольких веков*, вполне может быть использован сегодня — например, в строительстве при установке опор ЛЭП. [«Техника — молодежи» (1989)] — б. *Секрет «оживления» моаи *полностью утратили на протяжении стольких веков*

Другой случай появления у причастий видовых значений, отсутствующих у соответствующих финитных форм, — способность страдательных причастий прошедшего времени глаголов СВ употребляться в **ограниченно-кратном**, а не в суммарном значении в сочетании с обстоятельствами кратности [Холодилова 2011: 84]⁴:

- (25) Имя А. Н. Афанасьева известно каждому Русскому человеку, ведь самая любимая и памятная книга нашего детства, *много раз читаная и пересказанная*, называется «А. Н. Афанасьев. Сказки» (пример из Интернета, цит. по [Холодилова 2011: 84])

При сочиненных финитных формах СВ и НСВ общее обстоятельство кратности невозможно, ср. **много раз читали и пересказали*.

6.1.1.2. Отсутствие у причастия аспектуальной интерпретации, возможной для соответствующих финитных форм

Другой тип несоответствия между аспектуальным потенциалом причастных и финитных форм — это ситуация отсутствия у причастия тех или иных аспектуальных прочтений, возможных для соответствующих финитных форм. Сюда попадает, среди прочего, неспособность страдательных причастий прошедшего времени НСВ «обозначать действие в процессе его протекания», а точнее их специализированность на выражении «общефактического, ограниченно-кратного и других ретроспективных значений» [Князев 2007: 489]. Фиксируемые в Корпусе

⁴ См. также [Князев 2007: 105].

немногие примеры, в которых такие причастия употребляются в других значениях, например итеративном (27) или конативном, относятся к текстам XVIII–XIX вв. и в основном звучат архаично [Холодилова 2011: 82].

- (26) ... Доказательством величины сих кладовых служат пошрины, *собираемые* в Александрии ежегодно с привозу и вывозу, которые, несмотря на дешевизну их, превосходили 37 000 000 ливров. [Н. И. Новиков. О торговле вообще (1783)]

В ряде случаев причастия оказываются сопоставимы по набору принципиально доступных аспектуальных прочтений с соответствующими финитными формами, но отличаются от них по характеру ограничений на реализацию этих значений или по распределению частотностей форм с различными аспектуальными интерпретациями (см. [Князев 1989]; [Холодилова 2011: 85–86]).

6.1.2. Залог и возвратность

В составе причастий возвратный постфикс всегда имеет форму *-ся*, а не *-сь*, вопреки общим правилам распределения вариантов *-ся* / *-сь* (см. Возвратность / п.1.3).

Сочетание в рамках одной словоформы суффиксов страдательных причастий и постфикса *-ся* в русском литературном языке невозможно (независимо от значения этого постфикса).

При принятом здесь подходе собственно процесс образования причастий от глаголов, финитные формы которых не имеют постфикса *-ся*, **никогда** не сопровождается **появлением** этого постфикса. Для таких образований категория залога проявляется в противопоставлении действительных и страдательных причастий. В частности, краткие формы страдательных причастий прошедшего времени используются при образовании аналитических форм пассива.

Несколько сложнее обстоит дело с причастиями глаголов, в составе финитных форм которых есть формы с возвратным постфиксом.

Для тех переходных (невозвратных) глаголов, у которых возможно образование финитных форм пассива при помощи возвратного постфикса, в рамках пассивной подпарадигмы обнаруживаются и причастия, имеющие суффиксы действительных причастий. Таким образом, например, у глагола *рассматривать*, имеющего финитные формы пассивного залога (*рассматривается, рассматривался* и т. д.), есть как собственно действительные причастия (*рассматривающий,*

рассматривавший), так и действительные причастия, относящиеся к подпарадигме пассивного залога, маркированного возвратным постфиксом (*рассматривающийся, рассматривавшийся*). При этом образование последних описывается как состоящее из двух относительно независимых процессов: пассивизация, маркируемая постфиксом, и образование действительных причастий при помощи суффиксов причастий.

Наконец, и для большинства возвратных глаголов, у которых постфикс не связан с маркированием категории залога (и фиксируется во всех финитных формах), образование причастий также не влияет на признак «возвратность / невозвратность» (ср. *смеяться* и *смеющийсяся, смеявшийся*; *обучаться* и *обучающийсяся, обучавшийся* и т. д.). Однако здесь есть исключения двух типов:

1) страдательные причастия типа *условленный*, соотносимые с возвратным финитным глаголом (*условиться*), см. п.6.1.2.1;

2) диалектные образования типа *трудящийся* (от *трудиться*), см. п.6.1.2.2.

6.1.2.1. *Невозвратные страдательные причастия, соотносимые с возвратным глаголом*

В русском языке существуют такие причастия, содержащие суффиксы страдательных причастий (прежде всего, прошедшего времени), которые при этом соотносятся по смыслу с возвратными глаголами, см. обсуждение в [Князев 1989: 193–196]; [Князев 2007: 533–551] и особенно в [Холодилова 2011: 40–48]. Эта модель соотношенности наиболее очевидна для случаев, когда финитных форм соответствующего глагола без возвратного *-ся* просто не существует, ср. *условленный*, что соотносимо по смыслу с *условиться* (ср. **условить*), или когда сами такие возвратные глаголы являются несоотносительными, т. е. не связаны регулярными отношениями с соответствующими невозвратными, ср. *помешанный* (связано с *помешаться*, но не с *помешать*), *договоренный* (связано с *договориться*, но не с *договорить*), *растерянный* (связано с *растеряться*, но не с *растерять*). Сюда примыкают причастные образования, которые близки по смыслу прежде всего к возвратным глаголам, хотя те в свою очередь выводимы из соотносительных невозвратных глаголов по одной из продуктивных моделей. Так, *влюбленный* отсылает к ситуации, описываемой глаголом *влюбиться*, но не обязательно *влюбить*. Наконец, существуют и страдательные причастные образования, которые в определенном контексте оказываются

соотнесены по смыслу именно с возвратными глаголами; так, в норме *причесанный* будет употреблено по отношению к человеку, который сам *причесался* (хотя это и не обязательно), *разбитый* может отсылать к каузативной ситуации, описываемой переходным глаголом *разбить*, но в определенном контексте может приобретать декаузативную семантику, характерную для глагола *разбиться* (см. Возвратность / п.2.3):

- (27) Часто при такой интенсивной эксплуатации случаются различные поломки: сломанный джойстик, поцарапанный или вовсе *разбитый* при падении экран, выход из строя динамиков. (пример из Интернета, приводимый в [Холодилова 2011: 44])

Некоторые из подобных образований удовлетворяют ключевым критериям, используемым при отграничении причастий от других отглагольных адъективов (см. п.5.1); более того, они характеризуются некоторой степенью продуктивности, о чем говорит их обширная фиксация в разговорной и неформальной речи (*наетый; втресканный по уши; вопрос, касаемый Windows* [Холодилова 2011: 44–46]). Таким образом, одна из возможных их трактовок состоит в том, чтобы считать эти образования страдательными причастиями возвратных глаголов. При таком подходе в этом маргинальном случае при образовании причастий происходит **удаление** возвратного показателя, подобно тому, как это происходит при образовании имен действия (ср., например, *стремление, старание, прикосновение* и *стремиться, стараться, прикоснуться*).

6.1.2.2. Диалектные и просторечные образования типа трудящий

В диалектной и субстандарной речи фиксируются некоторые образования, выглядящие как действительные причастия настоящего времени, лишенные возвратного показателя, но соотносимые по смыслу с возвратными глаголами: *трудящий* (= *трудящийся*), *выдающий* (= *выдающийся*), отчасти *годящий* (= *годящийся*) и даже *моющий* (= *моющийся*):

- (28) Я хочу выбрать обои для кухни, говорят что *моющие обои* — самый лучший вариант на кухню. (форум <http://peredelkaforum.ru>)

Статус подобных форм не вполне ясен. Видимо, в тексты на литературном русском языке такие образования проникают через имитацию

диалектной речи или просторечия⁵, при этом речь идет об употреблении единичных форм, а не о продуктивном процессе. Фактически в таких случаях в литературные тексты попадают не собственно диалектные причастия, а развившиеся на их основе прилагательные, часто стилистически окрашенные.

6.1.2.3. Трактовка возвратности и залога у причастий

Итак, в нормальном случае образование причастий в русском языке не затрагивает признака **возвратности** / **невозвратности**, наследуемого от производящих глаголов. Исключения касаются маргинальных случаев, когда образование причастий сопровождается удалением возвратного показателя из состава словоформы.

Что же касается категории залога у причастий, то обычно противопоставление действительных и страдательных причастий описывается как реализующее эту категорию. Трудность для такой трактовки здесь представляют уже упоминавшиеся выше формы типа *рассматривающийся*. Если считать, что действительные причастия по определению выражают категорию действительного **залога**, то окажется, что в таких формах категория залога выражена дважды, при этом в одном случае выражено значение действительного залога (при помощи суффикса причастия), а в другом — страдательного. По всей видимости, разумно считать, что противопоставление действительных и страдательных причастий не идентично противопоставлению залогов у финитных форм глагола.

6.1.3. Наклонение

Согласно общепринятой трактовке, причастия стоят вне категории **наклонения**. Такая ситуация закономерна: действительно, при помощи граммем наклонения выражаются значения зоны модальности, т. е. отношения предикации к действительности (см. Модальность / п.2). Поскольку причастия сами по себе лишены признака предикативности, для них затрудненная сочетаемость со значениями

---

⁵ Показательна в этом смысле история слова *трудящийся* в том виде, в котором она отражена в текстах Корпуса. Это слово фиксируется в текстах начиная с 1870 г. (Н. С. Лесков. На ножах), но до 20-х гг. XX в. используется исключительно в прямой речи персонажей. В послереволюционные годы частотность этой формы возрастает и появляются отдельные неимитационные контексты, в частности публицистические. Однако после 50-х гг. частотность снова падает. Таким образом, этой форме так и не удается проникнуть в литературный русский язык.

категории наклонения вполне ожидаема (эти ожидания подкрепляются и типологическими параллелями: во многих языках категория наклонения характеризует только финитные формы, см., например, [Cristofaro 2003: 15 ff.]).

Вполне в соответствии с этим общим принципом ни граммемы повелительного наклонения, ни семантика повелительности с образованием причастий в русском языке не сочетаются.

Сложность для представленной трактовки представляют, однако, маргинальные, но все же иногда встречающиеся сочетания причастий с частицей *бы*, являющейся в нормальном случае показателем **сослагательного наклонения**: в Корпусе представлено около 100 таких примеров.

- (29) Одновременно делается все возможное для выявления сведений, *способствовавших бы* установлению и задержанию лиц, причастных к работе передатчика. [В. Богомолов. Момент истины (1973)]

Следующий пример одновременно показывает и то, что такие формы воспринимаются частью носителей как ненормативные, и то, что они все же могут употребляться:

- (30) Но, прочтя его статью, посвящённую пейзажисту А. А. Киселеву, помнится, осмелился высказаться против имеющегося в этой статье оборота: «Имена, *сделавшие бы честь* любому европейскому профессору». Русские причастия, настаивал я, не допускают сослагательных форм. По-русски никогда не говорят: «идуший бы», «постаревший бы», «смеявшийся бы». [К. И. Чуковский. Репин — писатель (1930–1950)]

В принципе такие сочетания можно не считать особыми аналитическими формами причастий сослагательного наклонения. Действительно, частица *бы* способна выражать значения косвенных модальностей (гипотетических, контрфактивных и особенно желательных) и вне глагольных форм сослагательного наклонения (см. об этом, например, [Добрушина 2009: 297 ff.], а также Сослагательное наклонение / п.5):

- (31) Уж кавторанг и *рад бы*, да нет сил. [А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]
- (32) Ей *бы замуж*, хоть за кого, а она в тир... [Г. Щербакова. Ах, Маня... (2002)]

- (33) *Отдохнуть бы тебе, как следует, полечиться бы, может, и пожил бы еще, поработал...* [И. И. Катаев. Сердце (1928)]⁶

Однако существенно то, что среди причастий, сочетающихся с *бы*, абсолютное большинство составляют **действительные причастия прошедшего времени**; тем самым такие аналитические причастные образования оказываются параллельны финитным формам сослагательного наклонения (представляющим собой с формальной точки зрения сочетание частицы *бы* с формой **прошедшего** времени глагола). Это заставляет предположить, что подобные сочетания в какой-то степени втягиваются в систему форм русского глагола.

Сочетания действительных причастий прошедшего времени с частицей *бы* отмечаются в литературе; обычно говорится, что они имеют маргинальный характер и что поэтому их не следует включать в систему причастий русского языка — ср. «встречаются лишь у немногих писателей и не являются нормой литературного языка» [Грамматика 1960(1): 508].

Обычно в обсуждаемых в таких случаях примерах ситуация, выраженная опорной формой, относится к зоне **ирреалиса**, а частица *бы* в составе причастного оборота лишь повторно (избыточно) выражает семантику ирреальности. Так, в следующем примере *бы*, видимо, может быть опущено в составе причастного оборота, так как на этот причастный оборот распространяется сфера действия маркера *бы* из главной клаузы:

- (34) Но *нашелся бы* в таком случае человек, *согласившийся бы* пожертвовать своей жизнью ради бесконечного просмотра этой удивительной киноленты? [С. Алексиевич. Цинковые мальчики (1984–1994)]

Ср. естественный пример из Корпуса, иллюстрирующий такую возможность:

- (35) На каждом шагу он испытывал то, что *испытал бы* человек, *любывавшийся* плавным, счастливым ходом лодочки по озеру, после того как он бы сам сел в эту лодочку. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

В примере (30) выше ирреальность в главной клаузе не маркирована, однако значение главного предложения таково, что речь идет

⁶ Впрочем, в определенных контекстах сочетание инфинитива и частицы *бы* есть основания считать полноценными отдельными формами русского глагола, т. е. формами инфинитива сослагательного наклонения. Обсуждение аргументов за это решение и против него см. в [Сай 2015].

о некоторой категории сведений, выявление которых намечено, но еще не осуществлено; при помощи причастного оборота эти сведения характеризуются через их роль в некоторой **возможной в будущем** ситуации. В таких случаях причастие с частицей *бы* обычно легко заменимо на причастие настоящего времени, выступающее во «вневременном» значении, ср. конструируемое:

- (36) Одновременно делается все возможное для выявления сведений, *способствующих* установлению и задержанию лиц, причастных к работе передатчика.

То, что причастие без маркера *бы* может «нести в себе заряд сослагательности», хорошо видно по следующему примеру:

- (37) И в эти страшные, нежно-голубые утра, цокая каблуком через пустыню города, я воображал человека, *потерявшего* рассудок оттого, что он *начал бы* явственно ощущать движение земного шара. [В. В. Набоков. Соглядатай (1930)]

Здесь опорная для причастия форма *воображал* задает контекст одного из «возможных миров», так что ситуация, описываемая причастием (потеря рассудка), относится к зоне ирреалиса. Тем не менее, используется обычная форма действительного причастия; примечательно, однако, то, что само это причастие служит в качестве опорной формы для придаточного, в котором используется уже финитная форма, при этом форма сослагательного наклонения (*начал бы*). Таким образом, не будучи маркированным формально по признаку сослагательности, причастие вполне может соответствовать семантике финитных форм сослагательного наклонения.

Итак, в рассмотренных случаях наличие частицы *бы* в составе причастного оборота необязательно — либо она просто может быть опущена, либо в «проблемной» позиции может быть использовано другое причастие без частицы *бы*. Другими словами, следует признать, что обычные причастия, вне сочетания с частицей *бы*, в принципе могут отсылать к ситуациям, которые в независимой клаузе выражались бы при помощи форм сослагательного наклонения. Именно к такой мысли приходит Л. П. Калакуцкая после анализа примеров типа *Я прочту любую, лишь бы вышедшую из-под его пера книгу*. Она отмечает, что такие конструкции заменимы на конструкции типа *Я бы прочел любую вышедшую из-под его пера книгу* и что «значение таких конструкций вполне покрывается значением обычного употребления глагольного наклонения» [Калакуцкая 1971: 10–11].

Однако иногда использование частицы *бы* в составе причастного оборота кажется грамматически обязательным. Это наблюдается в случае, когда некоторый участник ситуации, выраженной опорной формой, характеризуется при помощи причастного оборота через ту роль, которую он играл бы в некоторой другой ситуации, при этом эта другая ситуация оказывается воображаемой модификацией ситуации, выраженной опорной формой.

- (38) Ворот белой рубашки перехвачен был темным шнурком: деталь, в других обстоятельствах *показавшаяся бы элегантной*, на пороге поселковой школы выглядела по меньшей мере странно — как будто учитель совсем уж решил удавиться... [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)]
- (39) Шаги Лены, днем *погасшие бы* в шуме улицы, как в ковре, раздавались сейчас беспощадными шлепками. [Т. Набатникова. День рождения кошки (2001)]

Особенно обращает на себя внимание использование в таких случаях обстоятельств, эксплицитно указывающих на различия между свойствами ситуации, выраженной опорной формой, и «воображаемой» ситуации: *в других обстоятельствах* в первом примере, *днем* во втором (условием осмысленности второго предложения является то, что ситуация *Шаги Лены раздавались беспощадными шлепками* имеет место не днем).

Интересно, что такие употребления полностью соответствуют трактовке причастий как одного из средств релятивизации, при которой, в частности, причастному обороту ставится в соответствие некоторая независимая клауза (см. п.2). Так, например, для того чтобы последнее предложение было осмысленным, необходимо, чтобы было истинно следующее сконструированное высказывание с финитной формой составительного наклонения:

- (40) Днем шаги Лены *погасли бы* в шуме улицы.

Более того, для описываемых случаев действительное причастие прошедшего времени с частицей *бы* оказывается единственной сколько-нибудь приемлемой стратегией релятивизации при помощи причастия (конструируемые примеры с обычными, несоставительными примерами, разительно отличаются по семантике от зафиксированной конструкции: *шаги, днем погасшие в шуме улицы...*; *шаги, днем гаснущие в шуме улицы...*).

Итак, причастия в русском языке не совместимы ни со значением повелительности, ни с граммемами императива. В ряде случаев обычные причастия могут выражать ситуации, которые в независимой клаузе были бы выражены формами сослагательного наклонения (тем самым семантическое противопоставление изъявительного и сослагательного наклонений оказывается частично нейтрализовано в зоне причастий). При этом фиксируются случаи употребления структур, которые можно трактовать как действительные причастия сослагательного наклонения (это сочетания обычных действительных причастий прошедшего времени и частицы *бы*). Более того, в ряде случаев эта конструкция оказывается единственной возможной причастной стратегией релятивизации (однако стоит помнить, что в соответствующих коммуникативных ситуациях могут быть использованы другие средства релятивизации; к тому же вполне можно себе представить, что в этих ситуациях говорящие могут статистически избегать использования конструкций с релятивизацией).

6.1.4. Время

Традиционные названия русских причастий как будто бы говорят о том, что в них выражается категория **времени**. Следует помнить, однако, что семантическое противопоставление причастий настоящего и прошедшего времени (правила выбора причастий того или иного времени) неидентично противопоставлению форм настоящего и прошедшего времени у финитных форм глагола, см. п.4. Строго говоря, время причастий — это не совсем та же категория, что обычное время (финитных форм) глагола. В рамках системы причастий время ведет себя подобно классифицирующей категории, противопоставляя причастия настоящего и прошедшего времени.

6.2. Словоизменительные категории причастий

Когда говорится о словоизменении причастий, подразумевается тот фрагмент парадигмы форм глагола, который объединяется общностью причастной основы. Таким образом, формами причастий *играющий*, *пришедший* или *упомянутый* признаются все синтетические словоформы, в которых обнаруживаются основы *играющ-*, *пришедш-* и *упомянут-* соответственно, а не только те из этих форм, которые способны выступать в атрибутивной функции (хотя именно эта функция используется при определении причастий).

Выше противопоставление действительных и страдательных причастий, а также причастий прошедшего и настоящего времени также вводилось с опорой на их употребления в атрибутивной функции (см. п.3, п.4). Однако традиционные обозначения причастий распространяются на все причастные формы с такими же основами; так, например, все словоформы с основой *упомянут-* (не только полные формы *упомянутый, упомянутого, упомянутому* и т. д., но и краткие формы *упомянут, упомянута, упомянуто* и *упомянуты*) считаются формами страдательного причастия прошедшего времени.

ПРИМЕЧАНИЕ. Поскольку краткие формы причастий входят в состав аналитических форм пассива, возникает известная терминологическая сложность, типичная для трактовки аналитических форм: приходится признать, что одна (синтетическая) форма глагола (краткая форма причастия) входит в состав другой (аналитической) формы того же глагола. Когда говорится о словоизменении причастий, в это понятие включается образование самих кратких форм, но не образование аналитических форм пассива. При этом в случае, когда в соответствующей структуре отсутствует эксплицитная форма глагола *быть* (*этот дом построен в восемнадцатом веке*) приходится считать, что словоизменительная форма причастия материально, но не концептуально, совпадает с аналитической финитной формой пассива того глагола, от которого образовано причастие.

Если в составе основ причастий выражаются некоторые категории, характерные для глаголов (см. п.6.1), то при помощи флексий причастий выражаются словоизменительные категории, типичные для прилагательных: **род, число, падеж и одушевленность**; также у страдательных причастий помимо полных (атрибутивных) форм, характерных для всех без исключения причастий, имеются и **краткие** (предикативные) формы — см. о возможности их образования для причастий разных типов в п.6.3).

Характерное для многих прилагательных образование синтетических или аналитических **степеней сравнения** у собственно причастий обычно невозможно. Возможность таких образований является одним из проявлений адъективации (см. п.5.2) [Исаченко 1960/2003: 540] (например, *любимее, ценимее* [Холодилова 2011: 11], *более цветущий вид, самый выдающийся ученый* [Богданов и др. 2007: 534]).

В плане организации парадигм (в рамках представленных у них категорий) и набора флексий причастия изменяются так же, как прилагательные **адъективного склонения** (некоторые отклонения возможны для кратких форм страдательных причастий прошедшего времени).

6.3. Синтаксические функции причастий

В этом разделе будут рассмотрены те синтаксические функции, которые могут выполнять в предложении причастные клаузы. Здесь будет использоваться исчисление, предложенное в [van der Auwera, Malchukov 2005] для адъективных лексем и включающее 5 типов употреблений, организованных в упорядоченную семантическую карту. Если расположить эти пять типов в порядке возрастающей предикативности, то следует рассмотреть последовательно:

1) приименные рестриктивные употребления (*обезьяна, заражённая штаммом полиовируса типа 2, не заболела*), см. п.6.3.1;

2) приименные нерестриктивные употребления (*Ирина, ослеплённая ненавистью, даже не рассмотрела его*), см. п.6.3.1;

3) депиктивные употребления (*сам он вернулся нагруженный*), см. п.6.3.2;

4) комплементативные⁷ употребления (*она видела его декламирующим стихи*), см. п.6.3.3;

5) собственно предикативные употребления (*дверь была открыта*), см. п.6.3.4.

Параллельно будет обсуждаться вопрос об употреблении полных или кратких форм причастий.

Подробнее о синтаксических функциях страдательных причастий настоящего времени см. Страдательное причастие настоящего времени / п.4.2.

6.3.1. Приименные употребления: рестриктивные и нерестриктивные

Как следует из использованного в начале этой статьи определения⁸, всякое причастие способно выступать в **атрибутивной позиции**, т. е. в качестве **согласованного определения**. Как и другие определения, причастия могут использоваться в качестве **рестриктивных** и **нерестриктивных** (аппозитивных) атрибутов⁹. В первом случае при по-

⁷ На семантической карте, предложенной в [van der Auwera, Malchukov 2005], депиктивные и комплементативные употребления удалены от двух полюсов иерархии на одинаковое расстояние, обозначение их здесь при помощи номеров 3) и 4) условно.

⁸ Для удобства воспроизводится в сокращенном виде: «причастиями называют такие нефинитные морфологические формы глаголов, которые способны выступать в предложении в качестве модификаторов имени существительного».

⁹ В традиционном русском синтаксисе этим терминам соответствует противопоставление выделительных (ограничительных) vs. распространительных

мощи причастия сужается множество референтов, обозначаемых вершинным существительным (с зависящими от него другими определениями):

- (41) Обезьяна, *заражённая штаммом полиовируса типа 2*, не заболела, но заболела обезьяна, *заражённая штаммом полиовируса типа 3*, выделенным на 16-й день болезни. [«Вопросы вирусологии» (2002)]

При **рестриктивном** употреблении причастий в них в наименьшей степени проявляется предикативное начало, так как значение соответствующих форм не входит в зону **ассерции** (так, то, что двух разных обезьян заразили двумя разными штаммами вирусов, не входит в зону ассерции в приведенном примере), а ситуация, обозначаемая причастием, называется с целью уточнения референции тех или иных объектов (в приведенном примере — обезьян). Рестриктивные причастия и причастные обороты не могут линейно отрываться от той именной группы, к которой они относятся.

Во втором случае, т. е. при **апозитивном** (нерестриктивном) употреблении причастий, сообщается некоторая характеристика модифицируемого имени, при этом сужения референции не наблюдается. В частности, как и в случае с другими модификаторами, причастия, модифицирующие имена собственные с единичной референцией или личные местоимения, могут интерпретироваться только нерестриктивно:

- (42) Ирина, *ослеплённая ненавистью*, даже не рассмотрела его. [В. Токарева. Своя правда (2002)]

Обычно нерестриктивные определения используются для передачи какой-либо фоновой, побочной информации, часто в таких случаях между содержанием причастной клаузы и содержанием главной клаузы устанавливаются дополнительные смысловые отношения — причинные, уступительные и т. д. В таких случаях чаще наблюдается интонационное обособление причастной клаузы, при этом и вершинное имя приобретает отдельный главный акцент (см. обсуждение закономерностей интонационного обособления прилагательных и причастий в [Пешковский 2001: 425–429]). Однако закономерности интонационного обособления в устной речи весьма сложны, и различие между

атрибутов, см. об этих двух типах связи, например, [Грамматика 1980(II): §§2092–2094].

рестриктивными и нерестриктивными определениями оказывается скорее количественным, чем бинарным и качественным [Кибрик, Подлесская 2009: 239–240]. По письменным источникам тем более сложно точно установить, в каких именно случаях предполагается такое обособление; впрочем, в определенной степени показательны случаи препозитивного употребления причастных клауз: в отличие от рестриктивных препозитивных причастий и причастных оборотов, нерестриктивные причастия и причастные обороты на письме отделяются от модифицируемой именной группы запятой:

- (43) *Пораженный решительностью Венизелоса, король Константин* считал, что эта мобилизация будет все же проводиться не против центральных держав. [А.К. Коленковский. Дарданелльская операция (1930)]

В отличие от рестриктивных причастий и причастных оборотов, нерестриктивные причастия и обороты могут линейно «отрываться» от своих вершинных имен (при этом они все же вступают с ними в отношения согласования)¹⁰.

- (44) *Сосны глухо скрипели, раскачиваемые ветром, и только труженик-дятел долбил и долбил где-то вверху, как будто хотел продолбить низкие тучи и увидеть солнце...* [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)]

6.3.2. Депиктивные употребления

К нерестриктивным употреблениям (см. п.6.3.1) примыкают и так называемые **депиктивы**, в которых предикативность выражена еще сильнее. Депиктивными называют такие употребления атрибутивных по природе структур, когда:

а) имеется некоторый референт, являющийся семантическим актантом в главной предикации, т. е. в предикации, возглавляемой опорным глаголом;

б) атрибутивная форма (вторичная предикация) не образует с соответствующим именем единой составляющей;

¹⁰ Нерестриктивные причастные обороты, располагающиеся дистантно относительно имени или местоимения, с которым они соотносятся по смыслу, часто оказываются неотличимы от депиктивных употреблений причастий, рассматриваемых в п.6.3.2.

в) при этом атрибутивная форма описывают некоторую ситуацию, которая имеет место в момент осуществления действия, выраженного опорным глаголом.

Здесь используется определение из [van der Auwera, Malchukov 2005], см. также [Schultze-Berndt, Himmelmann 2004]).

Как и прилагательные, причастия в составе депиктивов могут употребляться либо в той же падежной форме, что и именная группа, обозначающая соответствующий референт в главной клаузе (46), либо в форме творительного падежа (47). При этом в обоих случаях они согласуются с центральным участником по категориям рода и числа:

(45) Сам *он* *вернулся нагруженный*, как поездной носильщик.
[Ю. Нагибин. Бунташный остров (1994)]

(46) *Подать толму политой* соком, который образовался при тушении. [Рецепты национальных кухонь: Армения (2000–2005)]

ПРИМЕЧАНИЕ. Как видно по этому примеру, в составе депиктивов могут фиксироваться причастия прошедшего времени. Может показаться, что такая возможность противоречит тому компоненту определения депиктивов, согласно которому они описывают ситуацию, которая имеет место в момент осуществления действия, выраженного опорным глаголом. Однако в действительности противоречия нет, так как в подобных случаях причастия прошедшего времени употребляются в стативном значении. Так, в последнем примере ситуация «поливания» толмы соком предшествует ситуации ее подачи к столу, что и предопределяет использование причастия прошедшего времени. Однако причастие в данном случае отсылает не к событию поливания, а к состоянию ‘быть политым’, которое имеет место в момент подачи толмы.

Судя по всему, согласующиеся по падежу депиктивы постепенно выходят из употребления: преобладающими становятся причастные депиктивы в творительном падеже. О факторах, регулирующих выбор между этими двумя вариантами, см. среди прочего [Кузнецова, Рахилина 2014].

С депиктивными употреблениями причастий во многом схожи т. н. комплементативные употребления (типа *видела его выходящим из дому*), см. п. 6.3.3.

6.3.3. Комплементативные употребления

О комплементативной функции причастий говорят в тех случаях, когда причастия заполняют семантическую валентность глаголов восприятия или, реже, мыслительной деятельности.

- (47) Она видела его жёсткую, смелую прямоту, его вдохновение; *видела его декламирующим стихи*; видела его пьющим слабительное. [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]
- (48) Это давало основание в те годы *считать Штейна входящим* по результатам в пятерку сильнейших в мире вместе со Спасским, Фишером и Ларсеном. [«64 — Шахматное обозрение» (2004)]

При комплементативном употреблении причастий один из референтов, участвующих в ситуации, обозначаемой причастием, реализуется как синтаксический актант главного глагола; так, в (49) *Штейн* занимает позицию прямого дополнения при опорной форме *считать*. В этом отношении такие конструкции похожи на депиктивные причастные конструкции (см. п.б.3.2). Основное различие между этими двумя типами структур касается того, что при депиктивном употреблении референт имени оказывается не только синтаксическим, но и семантическим актантом главной предикации, а ситуация, обозначаемая причастием, не входит в актантную структуру опорной формы. Так, в примере (46) актантом глагола *возвращаться* является *он*, но не ситуация, описываемая причастием *нагруженный* (следствием этого свойства является то, что обычно причастный оборот в составе депиктива может быть опущен без нарушения грамматической правильности). При комплементативном употреблении, напротив, в актантную структуру опорной формы входит ситуация, но не референт имени. Так, в примере (49) *Штейн* не является семантическим актантом глагола *считать* (хотя и является его прямым дополнением); глагол *считать* имеет сентенциальный актант, который мог бы быть выражен конструкцией *Штейн входит ... в пятерку*. Опущение причастного оборота в подобных конструкциях приводит к грамматической неправомерности (**Это давало основание в те годы считать Штейна*) или к существенному изменению актантной структуры опорной формы (*видела его декламирующим стихи* = ‘видела, как он декламирует стихи’, ≠ ‘видела его’).

В современном русском языке причастия, употребленные в комплементативной функции, почти всегда принимают форму творительного падежа и согласуются со «своим» участником по роду и числу, как в приведенных примерах.

В текстах предшествующих периодов в комплементативной причастной конструкции с глаголами восприятия преобладала стратегия, при которой причастие согласовывалось по падежу со «своей» именной

группой, т. е. с той группой, с которой причастие связано по смыслу¹¹. Учитывая то, что речь идет в основном о ситуации подчинения причастия переходным глаголам, фактически в таких конструкциях употреблялась форма винительного падежа причастия:

- (49) Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал: «Bravo!» [В. А. Жуковский. Письмо к С. Л. Пушкину (1837)]

В современных текстах подобная конструкция используется крайне редко, однако единичные примеры употребления все же фиксируются:

- (50) Но однажды увидел ее стоящую на конном дворе, и ноги у нее были забрызганы грязью. [Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)]

То, как быстро изменялся узус в этом фрагменте грамматики, иллюстрируется данными, приведенными в Таблице 1. В ней отображено количество примеров из Корпуса по запросу: глагол *увидеть* (в любой форме) + местоимения *он, она* или *они*¹² в форме винительного падежа + причастие в форме винительного или творительного падежа. Вручную удален «мусор», т. е. примеры, в которых причастие все же не выполняет комплементативную функцию.

Таблица 1. Причастия в комплементативной функции при глаголе *увидеть* по текстам различных эпох: согласованные причастия и причастия в творительном падеже

период	форма причастия		Σ	ipm
	винительный падеж	творительный падеж		
...–1850	20	4	24	1,8
1851–1899	8	20	28	0,9
1900–...	6	93	99	0,6

По данным, приведенным в таблице, видно, что перелом пришелся на середину XIX в.: примерно с этого времени согласующиеся по падежу причастия в комплементативной функции при глаголе *увидеть* быстро выходят из употребления. Помимо этого, данные в Таблице 1 показывают, что с течением времени общая частотность комплементативных употреблений причастий (по крайней мере при глаголе

¹¹ Таким образом, и набор возможных стратегий, и динамика конкуренции между ними для комплементативов в целом совпадают с тем, что обсуждалось для депиктивных употреблений причастий (см. п.6.3.2).

¹² Именно местоимения использовались в запросе для того, чтобы исключить попадание обычных согласованных определений, входящих в состав именных групп.

увидеть) сокращается (попарные различия между периодами статистически значимы, критерий χ^2 , в обоих случаях $p < 0,05$).

При глаголах мыслительной деятельности (таких как, например, *считать*, *полагать*, *предполагать* и т. д.) на всех этапах развития русского языка, отраженных в Корпусе, причастия в комплементаривной функции использовались только в творительном падеже:

(51) Мы долго *считали* его *похищенным* теми людьми, кои и тебя с женою здесь искали [В. Т. Нарезный. Бурсак (1822)]

Во всех перечисленных до сих пор случаях, т. е. при рестриктивном и нерестриктивном приименном употреблении (см. п.6.3.1), а также в составе депиктивных (см. п.6.3.2) и комплементаривных конструкций, причастия употребляются почти исключительно в полной форме (о редких и в целом архаичных исключениях см. [Холодилова 2011: 24]).

6.3.4. Предикативные употребления

Наконец, причастия могут входить в состав сказуемого, т. е. употребляться предикативно. К этому классу употреблений относятся сочетания со связочным глаголом *быть* и полусвязочными глаголами (*стать*, *казаться* и т. п.).

Как и в случае с прилагательными, только в этой синтаксической позиции по-настоящему употребительны краткие формы, однако о соотношении кратких и полных форм следует говорить по отдельности для различных типов причастий. Помимо этого, и по самой способности выступать в составе сказуемого причастия значительно разнятся. По-разному ведут себя в предикативной позиции все типы причастий:

- действительные причастия прошедшего времени (см. п.6.3.4.1);
- действительные причастия настоящего времени (см. п.6.3.4.2);
- страдательные причастия настоящего времени (см. п.6.3.4.3);
- страдательные причастия прошедшего времени (см. п.6.3.4.4).

6.3.4.1. Действительные причастия прошедшего времени в предикативной позиции

Действительные причастия прошедшего времени в литературном языке в предикативной позиции употребляются ограниченно¹³. При

¹³ В ряде русских диалектов в функции перфекта употребляются конструкции типа *он уехавши*, однако в литературном языке они не представлены.

этом в Корпусе не зафиксировано ни одного достоверного употребления кратких форм таких причастий (ср. *огонь был потухи и т. д.).

Что же касается полных форм действительных причастий прошедшего времени, то они изредка употребляются в предикативной позиции, однако в основном это причастия непереходных глаголов СВ, обозначающих изменение состояния, при этом употребленные без зависимых. Для таких причастий обычно можно говорить об определенной степени адъективации (см. п.5.2). Они обладают стативной семантикой и обозначают результирующее состояние, наступающее в результате достижения естественного предела ситуации, как в следующих двух примерах:

- (52) Так, в кронах примерно 50% деревьев после низовых пожаров хвоя была *пожелтевшей*. [«Лесное хозяйство» (2004)]
- (53) Я и названия той реки толком не знаю. Мутная была, *обмелевшая*. Ползла, будто змея, меж скользких берегов. [Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона (1997)]

Как и с другими типами составного именного сказуемого, в данном контексте при эксплицитной связке возможны как формы творительного (53), так и формы именительного падежа причастия (54); более частотно реализуется первая возможность.

6.3.4.2. Действительные причастия настоящего времени в предикативной позиции

Употребление **действительных причастий настоящего времени** в составе сказуемого с глаголом-связкой *быть* почти всегда говорит о той или иной степени адъективации (*музей был потрясающий, известие было ошеломляющим*). Впрочем, (немногочисленные) случаи употребления действительных причастий настоящего времени в этой позиции обсуждаются в [Богданов 2011: 108–111], ср. следующий пример, приводимый в этой работе:

- (54) Народ на заводе *был читающий*, «Звезду» любили и охотно на нее подписывались. (Пример из интернета)

А. В. Богданов отмечает, что в такой позиции причастия не могут иметь обычных глагольных зависимых [Богданов 2011: 111]¹⁴, что

¹⁴ Это ограничение в действительности знает исключение, ср. обсуждение примеров типа *Труд был тяжелый, отнимающий много времени* (пример из Интернета) в [Холодилова 2014].

в привычном понимании как раз и является одним из проявлений адъективации (см. п.5.2).

Действительные причастия настоящего времени, однако, несколько свободнее употребляются с полусвязочными глаголами, при этом в таких контекстах ограничение на наличие зависимых уже не действует, т. е. соответствующие образования уже не обязательно употребляются в адъективированных значениях:

- (55) При этом она взяла и поднимала верхнюю часть туловища так, что казалась стоящей на задних ножках. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)] — ср. ^{???}была стоящей на задних ножках

У собственно действительных причастий настоящего времени в современном русском языке отсутствуют краткие формы. Возможность образования таких форм у единиц, обладающих морфемной структурой действительных причастий настоящего времени, является проявлением их адъективации (см. п.5.2), ср., например, упоминание конструкций типа *Он очень знающ* в [Исаченко 1960/2003: 543]; [Богданов 2011: 109]¹⁵.

6.3.4.3. Страдательные причастия настоящего времени в предикативной позиции

Краткие формы **страдательных причастий настоящего времени** в принципе могут употребляться в составе сказуемых с глаголом-связкой *быть*, однако в современном языке они употребляются таким образом редко и обычно звучат архаично:

- (56) Их богослужебный устав, тексты, литература, юридическое и каноническое предания *были определяемы* и навсегда определены Византией. [И. Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)]

Подробную статистику см. в статье Страдательное причастие настоящего времени / п.3.

Полные формы страдательных причастий настоящего времени в современном русском языке предикативно не употребляются. Соответствующие формы могут употребляться в комбинации со связкой,

¹⁵ Способностью образовывать краткие формы могут обладать и сложные прилагательные, включающие причастия в качестве своего второго компонента, см. об этом (на примере формы *глубоководянуощи*) в [Chvanu 1996: 49].

но это всегда говорит об определенной степени адъективации (см. п.5.2 и Страдательное причастие настоящего времени / п.4.2):

- (57) Стоянка наша *была охраняемая*, для сотрудников, но охранник или спал, или не видел преступника, а может быть, был с ним заодно. [В. Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)]

В данном примере речь идет не об описании ситуации, передаваемой глаголом *охранять*, а об отнесении конкретной стоянки к классу охраняемых. В XVIII в. и, отчасти, первой половине XIX в. полные формы страдательных причастий настоящего времени могли использоваться предикативно и передавать динамические ситуации (как в следующих двух примерах), но в современном русском языке такие конструкции не используются:

- (58) ... Ингрия, Провинция Древлероссийская, чрез многия лета неправедно под игом шведским *была держимая*... [А.И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]
- (59) Поселяне повсюду отбиваются от войск наших и режут отряды, кои по необходимости *посылаемые бывають* для отыскания пищи (Денис Давыдов. 1812 год. (1825))

6.3.4.4. Страдательные причастия прошедшего времени в предикативной позиции

Страдательные причастия прошедшего времени, в отличие от прочих типов причастий, употребляются предикативно очень часто. Сочетания кратких форм этих причастий с формами глагола *быть* образуют аналитические формы страдательного залога. Сложен вопрос о статусе конструкций со связкой и полными формами страдательных причастий прошедшего времени (ср. употребления типа *дверь должна быть открыта* / *дверь должна быть открытой*).

6.3.5. Обобщение

Таким образом, причастия демонстрируют широкий разброс синтаксических функций, от чисто атрибутивных (см. п.6.3.1) до чисто предикативных (см. п.6.3.4). Для первого полюса характерно употребление согласующихся полных форм, для второго — кратких форм; некоторые промежуточные функции могут выполнять формы творительного падежа полных причастий.

7. Набор причастных форм в зависимости от грамматических характеристик глагола

Как уже говорилось выше (см. п.1), полный набор возможных причастий русских глаголов включает четыре разновидности:

- действительные причастия настоящего времени;
- действительные причастия прошедшего времени;
- страдательные причастия настоящего времени;
- страдательные причастия прошедшего времени.

К этому следует добавить, что у тех переходных глаголов, которые допускают образование возвратных пассивных форм (т. е. у подмножества глаголов несовершенного вида), наряду с собственно действительными причастиями могут обнаруживаться действительные причастия подпарадигмы пассивного залога, выраженного возвратным постфиксом (типа *строящийся*), см. п.6.1.2.

Ниже описываются общие ограничения, связанные с **валентностными** характеристиками глагола (см. п.7.1), и ограничения, связанные с **аспектуальными** характеристиками глагола (см. п.7.2). Более частные ограничения на образование каждого из типов причастий не обсуждаются (см. подробное обсуждение таких ограничений для страдательных причастий настоящего времени в соответствующей статье настоящего сборника, п.1.2).

7.1. Ограничения, связанные с валентностными характеристиками глагола

Первая группа ограничений связана с **валентностными** характеристиками глагола.

7.1.1. Ограничения на образование действительных причастий

Поскольку действительные причастия являются средством релятивизации подлежащего (см. п.1), в норме они не могут образовываться от глаголов, не имеющих синтаксической валентности на подлежащее в именительном падеже, т. е. от **безличных глаголов** (*светать, холодать, смеркаться, знобить, тошнить, вериться, думаться* и т. д.).

В ряде случаев, впрочем, это ограничение не действует. Так, например, иногда используются действительные причастия от таких метеорологических глаголов, которые традиционно считаются безличными.

- (60) Но, улёгшись у ног и даже не глядя на своего хозяина, а глядя в *вечереющий* сад, пёс сразу понял, что хозяина его постигла беда. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Возможно, это связано с тем, что такие глаголы на самом деле ограниченно допускают употребления с выраженным подлежащим, преимущественно в художественной прозе:

- (61) Силой какой-то вытолкнуло его на опустевший, стихший без солдатни двор, и он забрел в сад, за огородку глухую кустов, где *стемнела* на глазах его в тени *яблонь* и прохладно *вечерела* поросшая густо травой *земля*. [О. Павлов. Дело Матюшина (1996)]

Другой класс фиксируемых отклонений — это использование действительных причастий от глаголов со значением наличия или отсутствия, при финитных формах которых нет подлежащего в именительном падеже; при помощи таких действительных причастий иногда релятивизируется тот участник, который при финитных формах кодировался бы родительным падежом:

- (62) «Лева, как вы дорого мне стоите» (он просит у меня *три копейки, не хватающих на кружку пива*). [Э. Герштейн. Лишняя любовь (1985–2002)] — ср. ^{OK}*на кружку пива не хватало трех копеек*, но ^{???}*на кружку пива не хватало три копейки*

Впрочем, подобные употребления находятся, видимо, на грани литературной нормы или за ее пределами.

7.1.2. Ограничения на образование страдательных причастий

Поскольку страдательные причастия являются средством релятивизации прямого дополнения (см. п.1), они не могут образовываться от глаголов, не имеющих синтаксической валентности на прямое дополнение, т. е. от **непереходных** глаголов. Из этого ограничения существуют немногочисленные исключения.

ПРИМЕЧАНИЕ. В первую очередь в качестве исключений обычно называют глаголы семантической зоны управления, сочетающиеся с дополнениями в творительном падеже (например, *управляемый, руководимый, командуемый*, ср. *управлять, руководить, командовать кем-то*). Помимо этого, страдательные причастия образуют и отдельные глаголы, сочетающиеся с дополнениями, оформленными родительным (*достигнутый*, ср. *достичь чего*) или дательным (*покровительствуемый*, ср. *покровительствовать кому*) падежом, или — маргинально — даже глаголы, присоединяющие предложные группы (например, в Корпусе зафиксировано *надзираемый*, ср. *надзирать за кем-то*). Вторую

группу исключений составляют глаголы, страдательные причастия которых могут использоваться для релятивизации участников, относящихся к предикатным актантам того глагола, от которого образовано причастие (ср. *разрешенные часы* ≈ ‘такие часы, в которые разрешили делать Р’). Это явление подробно обсуждается в [Холодилова 2011: 55–58]. Наконец, третья группа исключений — это ситуации, когда при помощи страдательного по форме причастия релятивизуется подлежащее (непереходного) глагола. Этот случай также подробно обсуждается в [Холодилова 2011: 35–48]. Особенно характерны такие образования для возвратных глаголов — их страдательные по форме причастия не имеют при этом возвратного показателя, что соответствует общей закономерности, ср. *влюбленный* ≈ ‘такой, который влюбился’, *насуленный* ≈ ‘такой, который насулился’; спорный статус имеют образования типа (*не*)*промокаемый*, (*не*)*сгораемый*: они связаны с непереходными невозвратными глаголами (ср. *промокать*, *сгорать*), но при этом сочетают в себе признаки причастий и прилагательных. Перечисленные сложные случаи подробно обсуждаются в статье Страдательное причастие настоящего времени / п.2.2.

Помимо этого, не образуют страдательных причастий **безличные** глаголы, у которых единственный участник оформляется винительным падежом. Так, не образуют страдательных причастий собственно безличные глаголы, такие как *стошнить*, *знобить*, ср. *стошненный, *знобимый. При этом в некоторых случаях причастные конструкции могут быть соотносимы по смыслу с безличными предложениями в случае, если в них безлично используются обычные переходные глаголы, ср. следующие два примера:

- (63) Сквозь *заложённые уши*, через туго и плотно натянутые перепонки, все еще издали пробился к нему голос Лерки. [В. Астафьев. Печальный детектив (1982–1985)]
- (64) Бочка послушно замерла, Снап заорал с такой силой, что у меня *заложило уши*. [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)]

7.2. Ограничения, связанные с видом глагола

Вторая группа ограничений связана с отсутствием причастий настоящего времени у глаголов **совершенного вида** (ср. отсутствие действительных или страдательных причастий настоящего времени у глагола *нарисовать*, при наличии соответствующих причастий от глагола *рисовать*: *рисующий*, *рисуемый*). Это ограничение логично вытекает из отсутствия и финитных форм настоящего времени у этих глаголов.

7.3. Обобщение: возможный набор причастных форм от разных классов глаголов

Таким образом, в зависимости от своих характеристик русские глаголы в принципе способны образовывать разное количество причастий.

1) Переходные глаголы несовершенного вида способны образовывать все четыре причастия (*рисующий, рисовавший, рисуемый, рисованный*). Помимо этого, в составе их пассивной подпарадигмы, характеризующейся присутствием постфикса *-ся*, возможны еще два действительных причастия (настоящего и прошедшего времени соответственно: *рисующийся, рисовавшийся*).

2) Переходные глаголы совершенного вида способны образовывать лишь действительное и страдательное причастия прошедшего времени (*нарисовавший, нарисованный*).

ПРИМЕЧАНИЕ. В качестве маргинального образования от этих глаголов можно также упомянуть действительные причастия прошедшего времени, входящие в парадигму страдательного залога, маркированного показателем *-ся*, т. е. формы типа *нарисовавшийся, прочитавшийся, написавшийся*. Эти формы еще более маргинальны, чем соответствующие причастия настоящего и прошедшего времени от глаголов НСВ. Эта маргинальность логично следует из редкости и спорной приемлемости самого возвратного пассива глаголов СВ, т. е. таких конструкций, как, например, *книга читается с большим интересом и специалистом-микробиологом, и юношей, не выдавшим еще ни одной научной книги* (о спорном статусе последнего см., в частности, [Перцов 2006]; [Зельдович 2010], там же обсуждается и приведенный пример). Тем не менее, соответствующие причастные образования изредка фиксируются в текстах. Как отмечает М. А. Холодилова, при таких образованиях нередко фиксируются модификаторы типа *внезапно, сам (сама, само, сами) собой*, вероятно потому, что эти модификаторы плохо сочетаются с нормативными страдательными причастиями прошедшего времени соответствующих глаголов, ср. *один кусочек, написавшийся сам собой в метро* (пример из Интернета, приводимый М. А. Холодиловой) и еще более сомнительное *один кусочек, написанный сам собой в метро* [Холодилова 2011: 77].

3) Непереходные глаголы несовершенного вида в принципе способны образовывать действительные причастия настоящего и прошедшего времени (*сидящий, сидевший*).

4) Непереходные глаголы совершенного вида способны образовывать лишь действительные причастия прошедшего времени (*севший*).

5) Безличные глаголы обоих видов в норме причастий не образуют.

В литературе неоднократно отмечалось, что теоретические возможности образовывать причастия разных типов реализуются у русских глаголов не в одинаковой мере. Для того чтобы наглядно проиллюстрировать этот тезис, обратимся к подсчетам по Подкорпусу со снятой омонимией. В следующей таблице представлено общее количество полных форм причастий разных типов в зависимости от вида и переходности глагола.

Таблица 2. Частотность полных форм причастий различных типов в зависимости от вида и переходности глагола (по Подкорпусу со снятой омонимией)

	переходные глаголы				непереходные глаголы*			
	НСВ		СВ		НСВ		СВ	
	N	ipm	N	ipm	N	ipm	N	ipm
действ. наст.	6859	1153	0	0	6206	1043	0	0
действ. прош.	1773	298	2173	365	1552	261	3525	592
страд. наст.	3586	603	0	0	50	8	0	0
страд. прош.	969	163	23858	4009	0	0	20	4

* Не считая глагола *быть*.

При взгляде на эту таблицу становится ясно следующее.

1) Значительно опережают по частотности все остальные типы причастий страдательные причастия прошедшего времени глаголов СВ (*убитый, найденный, опубликованный* и т. д.), даже если не учитывать предикативное употребление кратких форм (см. п.6.3.4.4).

2) В то время как у глаголов СВ грамматически возможны лишь причастия прошедшего времени, у глаголов НСВ в количественном отношении явно преобладают причастия настоящего времени. Таким образом, категория «времени причастия» оказывается очень тесно связана с видом глагола; ср. с системой деепричастий, у которых та же тенденция проявляется почти абсолютно (у глаголов НСВ деепричастия прошедшего времени находятся на грани грамматической нормы).

8. Библиография

- Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ. 2011.
- Богданов С. И., Воейкова М. Д., Евтюхин В. Б. и др. Современный русский язык. Морфология. Препринт (рабочие материалы для учебника). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2007.

- Грамматика 1960 — Виноградов В. В. (Ред.) Грамматика русского языка. М.: АН СССР. 1960.
- Грамматика 1980 — Шведова Н. Ю. (Ред.) Русская грамматика. М.: Наука. 1980.
- Добрушина Н. Р. Семантика частиц *бы* и *б* // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (Ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. Сборник статей. М.: Пробел-2000. 2009. С. 283–313.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русские словари. 2003 (1-е изд. — М. 1977).
- Зельдович Г. М. Синтетический пассив совершенного вида на *-ся*: почему его (почти) нет? // Вопросы языкознания, 2. 2010. С. 3–36.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I–II. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры. 2003 (Репринт издания: Братислава. 1965. 1-е изд. — 1954–1960).
- Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука. 1971.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур. 2009.
- Князев Ю. П. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н*, *-т*. München: Otto Sagner. 1989.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур. 2007.
- Недялков В. П., Отаина Т. А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Бондарко А. В. (Ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. 1987. С. 296–319.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004.
- Перцов Н. В. О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола // Московский лингвистический журнал, 9(2). 2006. С. 29–50.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры. 2001.
- Плунгян В. А. Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границах вариативности. Доклад на семинаре по теоретической лингвистике Университета Осло (26 февраля 2010 г.). Осло. 2010.
- Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Депиктивы оказались удивительными // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, X(2) / Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (Ред. тома) Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Наука. 2014. С. 180–218.
- Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. М.: Русский язык. 1989.

- Сай С. С. Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XI(1) / Воейкова М. Д., Сосновцева Е. Г. (Ред. тома) Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. СПб.: Наука. 2015. С. 341–367.
- Соловьев Н. В. Русское правописание. Орфографический справочник. СПб.: Норинт. 1997.
- Холодилова М. А. Релятивизация О-участника при пассиве в русском языке. Выпускная квалификационная работа студентки 4-го курса. СПб.: СПбГУ. 2011.
- Холодилова М. А. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, X(2) / Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (Ред. тома) Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Наука. 2014. С. 478–509.
- Chvany C. V. Syntactically derived words in a lexicalist theory // *Selected essays of catherine V. Chvany*. Columbus: Slavica. 1996. P. 43–54.
- Cristofaro S. Subordination. Oxford: Oxford University Press. 2003.
- Fowler G. Oblique passivization in Russian // *The Slavic and East European Journal*, 40(3). 1996. P. 519–545.
- Malouf R. Mixed categories // K. Brown (Ed.) *Encyclopedia of language and linguistics* (2nd edition). Vol. 8. Oxford: Elsevier. P. 175–184.
- Schultze-Berndt E., Himmelmann N. P. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective. *Linguistic typology*, 8. 2004. P. 59–131.
- van der Auwera J., Malchukov A. L. A semantic map for depictive adjectivals // Schultze-Berndt E., Himmelmann N. P. *Secondary predication and adverbial modification: the typology of depictives*. Oxford. 2005. P. 393–421.